

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

ЛУЧШАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ ДРАМА

**КТО НЕ ВЫЖИЛ,
Я НЕ ВИНОВАТ**

Владимир Григорьевич Колычев
Кто не выжил, я не виноват
Серия «Колычев. Лучшая
криминальная драма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64026311
Кто не выжил, я не виноват: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118266-3

Аннотация

После ухода в запас пограничник Родион едет в Москву, чтобы увидеться с Тamarой, писавшей ему письма в армию. Однако при встрече выясняется, что девушка не ждала Родиона, у нее давно есть и молодой любовник, и тайный поклонник в лице директора фирмы, в которой она работает. Но Родион не собирается отступать. Он решает во что бы то ни стало добиться руки и сердца Тамары. С этого момента судьба начинает по-настоящему испытывать его на прочность: неожиданно Родион становится главным подозреваемым в криминальной истории с двумя убийствами...

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Колычев

Кто не выжил, я не виноват

© Колычев В.Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

**КТО НЕ ВЫЖИЛ,
Я НЕ ВИНОВАТ**

МОСКВА
2021

Глава 1

Коэффициент полезного действия измеряется в процентах. Допустим, ты заработал двести штук, на руки же получил сто. Значит, пятьдесят процентов потенциального дохода прошли мимо твоего кармана.

А коэффициент полезного бездействия измеряется в единицах. Родион мог бы вообще не служить, но нет, в двадцать три года совесть вдруг взяла его за живое, и он сам отправился в военкомат. В данном случае такой коэффициент был равен двум. Речь идет о годах, вычеркнутых из жизни.

Существует еще коэффициент бесполезного действия, но это снова про армию.

А сто тысяч рублей на руки Родион, было время, получал. Иной раз даже сто пятьдесят в месяц. За два года он мог бы на дом заработать, вернее сказать, на стройматериалы, остальное все сам, своими руками. Отца бы на помощь позвал, брата. Жаль, не заработал, не построил, а дом ему нужен, надо же где-то с молодой женой жить.

Скоро она у него будет. Поезд уже прибыл на вокзал. Народ толпился у выхода из вагона, тащил с собой чемоданы с несвежими вещами, пляжные сумки с остатками курортного настроения. Люди домой возвращались, с яркого юга в серые будни. Загорелые, соленые от морской воды.

Родион тоже с юга. Два года границу охранял, в горах, но

с видом на море. Закончилась служба, он уже находился в Москве, но курортное настроение еще только разгоралось. Парень с небольшой спортивной сумкой на плече стоял у окна вагона и высматривал Тамару, царицу своего сердца, как он называл ее в письмах.

С Тамарой он был знаком всего полчаса, не больше. Ровно два года назад все произошло. Команду везли из Новосибирска, в Москве была пересадка. Здесь, на вокзале он ее и увидел. Двадцать три года ему тогда уже было, взрослый парень, а вокруг салажье. Вот ему и захотелось задать форсу.

Тамара кого-то проводила, шла по перрону, думая о чем-то своем. Родион увидел ее, набрался храбрости, перехватил, но тут его вдруг заклинило, он ни слова сказать не мог. Хорошо, что рядом никого из приятелей не было, а то засмеяли бы.

На самом деле Родион умел знакомиться с девушками. Просто Тамара произвела на него чересчур уж сильное впечатление. Он вдруг понял, что с его шестом такую высоту не взять. Но ничего, парень кое-как размахнулся, прыгнул и даже взял приз – домашний адрес и право на переписку. Смешно это или нет, но Тамара все два года отвечала на его письма, говорила, что ждет. Даже на вокзал пообещала приехать, встретить.

Только вот что-то не видно было ее на перроне, а она не из тех, кто может затеряться в толпе. Наверное, опоздала, а может, что-то похуже. Родион в любом случае должен был

встретиться с ней и поговорить. Два года она ему снилась, каждую ночь.

Из вагона Родион выходил вслед за полным мужчиной, загруженным под завязку. Чемодан, дорожная сумка и еще куча всяких пакетов. Свободное место у него было только на голове.

Этот дядечка вывалился из вагона прямо на худенького чернявого паренька, который даже не подумал посторониться, даже руку не отвел, в которой держал эскимо. Мужчина мог сбить его с ног и запачкать футболку шоколадом, но пареньку хоть бы хны.

– Девушка! – возмущенно протянул толстячок, с трудом погасил скорость и сам сдвинулся в сторону, обходя препятствие.

Да, это действительно оказалась девушка, юная брюнетка с короткой стрижкой, угловатой фигурой и совершенно плоской грудью. Плечики узкие, руки тонкие, ножки как спички в брючках. Ей совершенно не нужен был бюстгальтер, да он под белой футболкой и не просматривался.

Родион не разгонялся. Весил он всего семьдесят килограммов при своих ста восьмидесяти роста, поклажа его не тяжелила, поэтому ему практически не пришлось гасить инерцию. В сторону он сдавать сразу не стал, остановился перед щуплой брюнеткой, окинул ее насмешливым, напористым взглядом. Нельзя ей стоять в проходе, мешать людям высаживаться на родную землю. Чем скорее она это поймет,

тем лучше будет для всех, для нее в том числе.

Девушка назад не сдала, но кое-чего Родион все-таки добился. Она отвела в сторону руку, в которой держала мороженое. Парень не удержался, забрал у нее эскимо, чтобы ей хоть как-то насолить.

При всей своей худобе девушка не похожа была на чахоточную, и запущенной, оголодавшей не выглядела. Прическа короткая, с блеском свежeweымытых волос, ногти подстрижены, но лак на них высох совсем недавно, легкий запах духов, чистая футболка. Яркие маленькие жемчужинки в тонких, просвечивающих ушках.

На вокзале жарко, да и в поезде было душно. Родион и не понял, как впился зубами в эскимо.

– Молодой человек! – донеслось из-за спины.

За Родионом следовала нервная грузная женщина с большим чемоданом на колесиках. Этот багаж мог опуститься ему на голову.

Брюнетка даже не глянула на нее.

– Ты Родион? – спросила она.

Мороженое ушло из ее рук, но девушка продолжала жевать. Теперь уже это была резинка.

– Ну, допустим, – ответил он, нахмурился, взял брюнетку за локоть и слегка сдвинул ее в сторону.

Женщина с чемоданом задела его тяжелым плечом и пошла по перрону.

– А форма где?

Родион похлопал по своей сумке. Двадцать пять лет ему, слишком взрослый он для того, чтобы бравировать в форме с тремя сержантскими лычками на погонах. У них заместитель командира погранзаставы капитанское звание досрочно получил, а он тоже четверть века разменял совсем недавно. Со звездочками на погонах можно было бы щегольнуть перед Тamarой, а без них лучше в гражданке. Футболка у Родиона новая, джинсы вполне приличные на вид, кроссовки не совсем еще убитые.

– Ты кто такая? – осведомился он, недоуменно глядя на девушку.

– Тамара, – продолжая жевать, с насмешкой во взгляде сказала она.

– Не понял.

– На самом деле Вика.

– Пожалей мою голову. – Родион приложил ладонь к затылку.

– А я тебя по мороженому узнала.

– По мороженому?

– Отобрал, откусил. Так только солдат оголодать может, – с усмешкой проговорила она.

– Или зэк.

– На самом деле я тебе по фотографии узнала. Ты ведь мне письма писал. А я тебе, так уж и быть, отвечала.

– Так уж и быть? – растерянно пробормотал он.

– Твоя фотография мне не нужна была. А вот за собаку

спасибо. – Девушка изобразила реверанс, насмешливо глядя на Родиона.

При этом она смачно жевала резинку, без устали двигая челюстями.

– Мухтар на заставе остался, – проговорил Родион с полным безразличием к овчарке, с которой фотографировался для Тамары.

Голос его звучал, как лучина догорала. Мысли в голове напоминали едкую копоть. Не Тамара ему писала, а какая-то Вика. Но почему так?

– Ничего, я тебя вырезала, а его в рамку вставила и на стену повесила.

– Очень смешно.

– А чего не смеешься?

– Да вот думаю, что на Тамару ты не похожа.

– Не знаю.

– Что ты не знаешь?

– Не видела я твою Тамару.

– Не видела?

– Она тебе мой адрес дала.

Родион не знал, что сказать. В горле у него пересохло от волнения и чувства унижения. Тамара жестоко посмеялась над ним, дала чужой адрес. Что на ум ей пришло, то и сделала, а он как дурак мечтал о ней целых два года.

Но и Вика эта тоже хороша.

– У меня Ленька в армии служит, так я сначала тебе пись-

мо, так, чисто потренироваться, а потом уже ему, начисто, без ошибок. – Вике явно нравилось потешаться над ним.

– Я рад за тебя, – сказал Родион и повернул голову в сторону вокзала.

Тамары нет, а без нее в Москве неинтересно. Сейчас пойдет в кассу и возьмет билет на первый же поезд до Новосибирска. Там сейчас отец и брат, заказ у них, квартиру в новостройке отделявают. Родион недельку отдохнет, присоединится к ним и будет пахать с утроенной энергией. Чтобы за год трехлетний план выполнить и дом поставить. А жену он как-нибудь и в Новосибирске найдет.

– А ты Леньку моего не видел? – спросила Вика.

– Леньку твоего?! – Родион глянул на нее как на досадную помеху, из-за которой он не мог пройти в здание вокзала.

– Он тоже сегодня из армии возвращается. Я и тебя пришла встречать, и его.

– Откуда он возвращается?

– Я же говорю, из армии.

– Армия – понятие растяжимое.

– Еще как. Ленька из армии Израиля возвращается. Он там два года женщиной служил, – весело, с насмешкой сказала Вика.

– Кем служил?! – Родион с недоумением глянул на нее.

Она сумасшедшая или просто дурачит его себе на потеху.

– А ты не знал, что в Израиле женщины служат?

– Ты дура?

– Ну, спасибо! Я тебе два года в любви признавалась. К Леньке.

– Нет никакого Леньки! – отрезал Родион.

Он сомневался в этих своих словах, но голос его прозвучал уверенно. Хотя бы потому, что ему все равно было, существует Ленька или нет. Да и на Вику с высокой колокольни.

Вот про Тамару парень не сказал бы так. Она, конечно, обманула его, но без нее жизнь превратится в пустышку. Даже сейчас, вне себя от обиды, он чувствовал это.

– Тамара – моя сестра, – заявила Вика. – Родная. На самом деле она тебе правильный адрес дала.

– Ты сама себе веришь?

– Только по четным числам. Сегодня пятнадцатое июня.

Нынче ты мне должен верить.

– Не верю. – Родион отрицательно качнул головой.

– А должен! – Вика посмотрела на него с искренним возмущением.

– Хорошо, я тебе верю, – сказал он, повернулся и пошел по перрону, стараясь выкинуть из головы эту Вику, а еще лучше – Тамару.

– Куда ты?

– В армию Израиля.

– Ты считаешь себя женщиной?

Родион остановился, развернулся к Вике.

– Неужели я такой глупый и коварный? – Он едва не ска-

зал «подлый», думая о Тамаре.

Возможно, Вика действительно приходилась ей сестрой, и она дала Родиону правильный адрес, но разве это оправдание? Тамара жестоко посмеялась над ним, если отдала сестре его первое письмо. Не исключено, что она его даже не прочла.

– А кто глупый? Наверное, я, да? – с возмущением спросила Вика. – Я писала тебе глупые письма?!

– Нет, письма не глупые. Но Тамара меня не ждала.

– Я тебя ждала!

Видимо, для того чтобы придать своим пафосным словам побольше лиризма, Вика шумно выплюнула жвачку и даже с кислым видом проследила за ее полетом.

– Да, но я писал Тамаре.

– А она тебя обманула, да?

– А разве нет?

– Просто она не собиралась тебе отвечать. То есть хотела, но твое письмо слишком долго шло. А Эдик появился быстро. Короче, Томка потеряла голову! – проговорила Вика и достала из кармана пачку жвачки с таким видом, как будто саблю из ножен вынимала – для него.

– Это плохо, – с чувством нарастающей обреченности обронил Родион.

– Ты должен поговорить с Эдиком! – сказала Вика и забросила в рот сразу две жевательные подушечки.

– А это поможет? – осведомился Родион.

Он просто не имел права винить Тамару в измене. Парень знал ее полчаса, не больше. Она дала ему всего лишь свой адрес, но никак не слово ждать и любить.

Ждать обещала за нее Вика, но это не считается. Так что если есть такая возможность, то Родион должен был начинать все заново, отшить кавалера и занять его место. Все-го-то.

– А вдруг?..

– Ты в этом не уверена. – Родион усмехнулся, почесал щеку.

У него самого не было никакой уверенности в том, что разговор по душам с каким-то Эдиком тут поможет. Намнет он ему душу и ребра, а дальше что? Тамара не вещь, чтобы ее судьба решалась в спорах и драках.

– Да Эдик сам в себе не уверен. Два года Томку мурыжит. Сегодня любит и замуж зовет, завтра передумывает. Нужно его как-то подтолкнуть. Вдруг женится.

– Кто его должен подтолкнуть? – полюбопытствовал Родион и насмешливо повел бровью.

Он знал ответ на этот вопрос, но удивления не испытывал, понимал, с кем имеет дело. У Вики серьезно хромала логика. Или же она по-прежнему издевалась над ним.

– Ты с ним и поговоришь.

– Рука у меня тяжелая.

– То, что нужно, – заявила Вика.

– Вдруг у него в голове переключит, и он на тебе женится?

– Я не скажу, что хочу за него замуж. Но, в принципе, почему бы и нет?

– Сделаешь человека несчастным, как потом жить с этим будешь?

– Ну так я не брезгливая, стерпится – слюбится.

– Эдика несчастным сделаешь. От твоей болтовни любой мужик с ума сойдет.

– Да? А мы с ним письмами общаться будем. Я как раз на тебе руку набила.

– Осталось еще только немного подрасти, – с усмешкой проговорил Родион.

– Кому?

– Угадай с трех раз. Рано тебе замуж.

– Вообще-то, мне уже восемнадцать, – сказала Вика и, чтобы подтвердить свою зрелость, надула пузырь из жвачки.

Родион пожал плечами, смерил ее взглядом. Он уже не раз встречал людей, которые в свои восемнадцать лет выглядели на четырнадцать. Бывало и наоборот.

– А на голову сколько?

Вика сжевала пузырь, немного подумала и подняла средний палец, показывая ему «фак».

– Один годик!

– Думаю, что побольше, – с издевкой утешил ее Родион.

– Это говорит человек, который признавался мне в любви, – проговорила девчонка и вздохнула.

– Признавался, но не тебе.

- Что скажет Тамара?
- Я могу ее увидеть?
- Если я скажу да, ты мне поверишь?
- Я буду очень стараться.
- А если она скажет нет?
- Эдику?
- Эдику она не скажет.

Родион исподлобья глянул на Вику.

«Скорее всего, у меня нет никаких шансов, но я все равно должен увидеть Тамару. Нельзя уезжать домой, не повидав ее», – подумал он.

Рабочий день был на исходе, но директор и не думал собираться домой. Александр Павлович мог работать круглые сутки. Прежде он довольно часто так и поступал.

Тамара даже застала эти трудные времена, когда предприятие выходило на новый уровень, расширялось. Крутились все, не знал покоя и планово-экономический отдел, куда девушка устроилась сразу после университета. Сначала было тоскливо, затем она втянулась, а вскоре даже почувствовала вкус к работе.

Предприятие продолжало двигаться вперед. Рос пассажиропоток, увеличивался объем грузоперевозок и, конечно же, расширялся автопарк. Старые машины заменялись новыми. Тамара знала, как это происходило.

Александр Павлович Мигайлов теперь и сам стал другим

человеком. Потертая кожаная куртка окончательно уступила место элегантному пиджаку из тонкого текстиля. Процесс был отлажен, система работала без сбоев. Мигайлов мог почитать на лаврах, сидеть в кабинете. Под чутким и даже ревностным присмотром со стороны смазливой секретарши.

Кабинет у него после ремонта, мебель из итальянского салона, кресло из буйволиной кожи. Рабочий день заканчивался, но его вовсе не тянуло домой, ему и здесь было хорошо. Вряд ли он упивался своим могуществом, но дискомфорта в присутствии подчиненной точно не испытывал.

– Тамара, сколько лет мы уже вместе? – спросил Мигайлов.

Он медленно поднялся, сцепил руки в замок, вытянул их, слегка выгибая спину. Давал понять, что устал. Мол, неплохо было бы мне отдохнуть.

– Осенью четыре года будет, – с подозрением глядя на него, сказала Тамара.

– А мы с тобой даже ни разу по душам не поговорили, – сказал он и в раздумье провел пальцами по дверце бара, как будто собирался достать оттуда бутылку коньяка.

– Ну почему же? – Тамара с подозрением посмотрела на шефа.

Красавцем его мог назвать только законченный подхалим. Черты лица грубые, лоб низкий, нос широкий, челюсть тяжелая. Зато он был рослый, сильный. Лишний вес еще только намечался, и это к сорока годам, когда очень многие мужчи-

ны уже не знают, что делать со своими пивными животами.

Мигайлов следил за собой, хорошо одевался, даже пытался оттачивать манеры, чтобы не казаться деревенским мужланом, каким он был еще совсем недавно. Пахло от него дологим одеколоном. Притягательного в нем было больше, чем отталкивающего. Но все же до идеала мужчины он откровенно не дотягивал.

– Ты говори, не молчи. – Мигайлов иронично сощурился, вкрадчиво глянул на нее.

– Вы многому меня научили, – сказала она и замялась, лихорадочно вспоминая, какие такие мудрые наставления он ей давал.

В основном это были упреки, укоры. На похвалы босс, как правило, скупился, хотя и такое случалось.

– Например?

– Я вам статистику по всем звеньям управления дам.

– Статистику?.. – Он совсем не прочь был повторить последнее слово в ее фразе, причем не просто так.

Она это чувствовала.

– Перспективные и текущие планы. – Тамара пожала плечами, не зная, что говорить.

Сейчас Мигайлова не интересовали ни планы, ни статистика, ни оценка эффективности предприятия. Сладкого ему захотелось.

– Планы – это хорошо. – Он не стал доставать коньяк, подошел к Тамаре, встал у нее за спиной и мягко коснулся

пальцами ее плеч, как будто собирался делать массаж воротниковой зоны. – Ты хочешь спросить, что у меня в планах на ближайшее будущее?

Его пальцы пришли в движение. Руки сильные, а движения мягкие, но при этом глубокие. Как будто его учили делать массаж большие знатоки своего дела. Прикосновения теплые, приятные, но Тамара не собиралась качаться на волне, которую он запустил.

– Александр Павлович!.. – предостерегающе произнесла она.

Шаловливые пальцы замерли.

– Да, я Александр Павлович.

– Александр Павлович, я вас очень уважаю.

– Это хорошо. Даже очень.

– Я хотела бы уважать вас и дальше.

– Замечательно.

– И чтобы вы меня уважали!

Тамаре пришлось повысить голос, только тогда Мигайлов убрал руки.

– Я тебя уважаю, Чайнова. Буду еще больше уважать, если ты станешь начальником отдела.

Тамара промолчала, сжала зубы. Она понимала, к чему клонит начальник. Сначала намек, затем предложение. Если она правильно все поняла, то сегодня будет постель, а завтра – приказ о назначении. Или Мигайлов потеряет к ней интерес.

Тамара хорошо помнила, как было у них с Эдуардом. Она целых полгода держала его на дистанции. Он готов был на все, чтобы добиться своего, с родителями ее познакомил. Они даже заявление в загс подали. Тамаре нужно было держаться до победного конца, а она взяла да уступила. Вспомнила, как с Мишей чуть ли не целый год жила, и сдалась Эдуарду на милость. Совесть вдруг разыграла.

После той ночи Эдуард к ней охладел. Заявление в загсе вдруг затерялось. Эдуард сказал, что отец поставил ему условие. Дескать, сначала степень магистра, а затем уже свадьба. Тамара сделала вид, что поверила.

Но с Эдуардом она должна была раскрыться, все-таки он был ее парень, а она уже давно не девочка. А с Мигайловым все по-другому. От нее, конечно, не убудет, но по всем коридорам пойдет слух, что Тамара Мигайлова – шлюха. Даже секретарша Милочка смеяться будет. Наташа из диспетчерской пальцем будет тыкать, хотя кому она только маршрутные листы в свою постель ни подписывала. Там и Мигайлов в былые времена побывал.

– Сама видишь, компания растет, деловые связи крепнут, – сказал Мигайлов, приблизился к своему креслу, вскинул руку и до хруста в пальцах сжал кулак. – Пора задуматься о создании отдела организации труда и заработной платы.

– Я могу составить обоснование, – тихо сказала Тамара.

Мигайлов прошел мимо своего кресла, сделал круг в обход стола и снова оказался у нее за спиной.

– Ты могла бы стать начальником отдела, – заявил он.

Тамара резко поднялась, развернулась к нему лицом, едва не опрокинув стул, на котором сидела, и выпалила:

– Я могу стать начальником отдела. Где-нибудь. Но я никогда не стану шлюхой. У вас.

Она не связана была с компанией контрактом и могла уволиться в любой момент. Ей всего двадцать шесть, и она еще найдет себя в этой жизни.

– А кто предлагает тебе?.. – Мигайлов осекся, не договорил и отвел взгляд в сторону.

– Я могу идти?

Он кивнул, обиженно глядя в окно, и махнул рукой на выход.

Тамара направилась к двери в ожидании приговора. Но Мигайлов так и не сказал: «Ты уволена».

Увольняться Тамара не хотела. Работа у нее, может, и беспоконьяная, зато вполне комфортная. И зарплата хорошая. А главное, от дома недалеко, всего четыре остановки на трамвае.

Тамара едва не проехала свою остановку, всю дорогу думала о размолвке с начальником. Похоже было на то, что Мигайлов окончательно выбился в люди, почуял запах большой власти, барскими замашками стал обростать. Ему теперь не только казнить и миловать можно, но и унижать подчиненного. Раньше он только посматривал на Тамару, а сейчас чуть

ли не прямым текстом в постель пригласил. Самое страшное, что везде так.

Все так же, в тягостном раздумье, Тамара зашла в подъезд, на лифте поднялась на свой этаж, на автопилоте открыла дверь и вздрогнула, когда из своей спальни ей навстречу вышла Вика.

– Ты чего такая чумная? – спросила сестра с фирменной своей насмешкой, происходящей не от большого ума.

– Да так, задумалась.

– Задумалась она! – Вика пальцами взяла ее за щеки, заставила посмотреть себе в глаза.

Опять на нее что-то нашло. Тамара давно уже привыкла к странностям сестры и научилась не придавать значения ее манипуляциям.

– Губы можешь не подкрашивать, а то он подумает, что ты любишь это дело.

– Какое дело? – Тамара и пыталась, но не смогла сохранить невозмутимость.

– А кто подумает, это не важно? – спросила Вика.

Из комнаты вышел высокий загорелый парень, лицо которого показалось Тамаре знакомым. Высокий лоб, прямой нос, широкие скулы, прямоугольный подбородок, маленькие, близко посаженные глаза.

– Никто ничего не думает, – сказал он и с бодрой, но вместе с тем и виноватой улыбкой глянул на Тамару.

– Родион?

– А ты сомневаешься, да? Вроде как два года письма мне писала. – В его голосе чувствовался укор, который он пытался скрыть.

– Я не писала.

– И не думала.

Тамара с досадой глянула на Вику. Она все помнила и даже в чем-то была виновата перед Родионом. Но вовсе не обязательно было тащить его в дом. Ей вовсе не хотелось выслушивать его претензии. В конце концов, между ними не было никаких обязательств. Свой адрес она ему дала скорее из жалости, чем из симпатии. Несчастные призывники уходили в армию, и в лице Родиона Тамара пожалела их всех.

– Почему я должна была думать о тебе?

– Я не нарушил твой покой? – с непонятным сарказмом спросил Родион.

– Нет, ты не нарушил мой покой.

Тамара смотрела на него с раздражением, но вместе с тем и с интересом. Было в нем что-то этакое, незаурядное, привлекательное. Взгляд ясный, открытый, чтобы душа была видна на всю ширину. Черты лица правильные, даже в чем-то породистые. Но ему явно не хватало утонченности. Мanners далеко не изысканные. Повадки простого парня, не избалованного ханжеским воспитанием и стремлением к надуманным высоким идеалам. Его бы обтесать, отшлифовать, но так ведь не захочет.

«Или я смогу его уговорить?»

Эта мысль мелькнула где-то в глубине ее сознания, высекла искру интриги, но тут же погасла. Что-то не было у Тамары желания братья за Родиона.

– А кто-то нарушил, да? – осведомился Родион и глянул на Вику так, как будто искал у нее подтверждения тем словам насчет Эдика.

Тамара же посмотрела на сестру с укором. Вике вовсе не обязательно было посвящать Родиона в подробности ее личной жизни.

Как это ни странно, Родион понял все правильно, но молчать не стал.

– Это меня не касается? – спросил он.

– Надеюсь, ты покормила гостя? – Тамара не без ехидства глянула на сестру.

Вика не могла накормить даже саму себя. Это ведь нужно в холодильник лезть, колбасу из свертка доставать, резать, накладывать на хлеб. А горячий бутерброд – так это вообще из области фантастики. В этом случае придется еще и с тостером немного повозиться.

– Так тебя ждала.

– Ждала или ждали?

– Да я уже все, ухожу, – заявил Родион.

– Он уходит, – сказала Вика и кисло глянула на старшую сестру.

– Ну что ж... – Тамара слегка замялась, не зная, что сказать. – Рада была увидеть тебя.

Родион усмехнулся и с едким прищуром посмотрел на нее. Она рада была избавиться от него, но никак не увидеться с ним. Если эта особа способна обманывать в малом, то в большом ей верить точно нельзя. Лживая она и даже коварная, а может, и еще хуже.

Именно так Тамара и расшифровала его взгляд, и ей вдруг стало стыдно. Нет, она, конечно, не ангел, но и лживой дрянью никогда не была. А шлюхой тем более.

– Может, чаю на дорожку попьешь? – спросила девушка.

– Даже чаю не попью, – все с той же усмешкой ответил

Родион.

Тамара качнула головой, глядя на него. Сейчас он уйдет и всю свою длинную жизнь из-за какого-то короткого разговора будет считать ее стервой. Она не хотела, чтобы этот парень о ней плохо думал.

– Сейчас ужинать будем, – упрямо сказала Тамара.

– Я же говорю, пора мне.

– А если я очень хорошо попрошу?

Родион кивнул, соглашаясь немного задержаться. Тамара с удивлением для самой себя облегченно вздохнула. Еще несколько минут назад она не думала об этом парне, а сейчас готова была удерживать его силой. Не должен он уйти, во всяком случае, сейчас. Знать бы еще, почему это для нее так важно.

Глава 2

Халат на Тамаре длинный, плотно запахнутый, лишь с легким намеком на декольте, но сексуальность ее тела просачивалась через плотный шелк так же легко, как сок сквозь марлю с мятой вишней. Родион курил на балконе, а она стояла в дверях с затаенной улыбкой на губах. Он смотрел на нее с таким волнением, как будто она зашла к нему в спальню, чтобы снять этот самый халат. Вечер, но на улице светло. На юге в это время уже темно, а Москва географически куда ближе к белым ночам.

Родион глубоко затянулся напоследок и затушил сигарету, чтобы не дымить на Тамару.

– Ты часто не кури, – сказала она и взглядом показала вниз. – А то у нас тут соседка.

– Все, до завтра не буду.

Родион не хотел оставаться на ночь, но Тамара настояла. Она и ужином его накормила, и в душ отправила. Вику к себе в спальню забрала, освободила для него комнату.

Родители у них пропадали на даче, места в доме было много, но это вовсе не значило, что Родион мог поселиться здесь. Тамара ничего на этот счет не говорила, но ему и без того все было понятно. Лишний он здесь. Завтра утром иссякает лимит на гостеприимство, и вечером Родион будет уже в поезде.

Он так решил, хотя жуть как не хотел уезжать. Парень знал, что без Тамары тоска сожрет его за неделю, если не раньше.

– Завтра на вокзале покурю, – добавил он.

– Уезжаешь. – Она скорее утверждала, чем спрашивала.

– Да, родителей проведать.

– А потом?

– Работать буду.

– Где?

– В Новосибирске. У отца бригада строительная.

Тут Родион слегка преувеличил. Отец да брат, вот и вся бригада. Сам он будет третьим. Если присоединится к ним. А куда ему деваться?

– У дяди Виталия тоже бригада строительная, – сказала Тамара.

– В Новосибирске?

– Нет, в Москве. Квартиры ремонтируют.

– И мы квартиры ремонтируем. – Родион встрепенулся и замороженно посмотрел на Тамару.

Она сама заговорила о работе в Москве, значит, хочет, чтобы он остался здесь. По-другому парень понимать ее не хотел.

– Дело нужное. Рада была тебя увидеть, Родион. Спокойной ночи! – проговорила Тамара и повернулась к нему спиной, собираясь уходить.

А уйти она могла навсегда. Завтра рано утром ей на рабо-

ту, вряд ли она захочет с ним поговорить.

– А ты не могла бы поговорить с этим дядей Виталием?

Он протянул к ней руку. Так утопленник тянется за спасательным кругом, который висит на далекой пристани.

Тамара сама должна была предложить ему протекцию, но если гора не идет к Магомету, то на лыжи нужно становиться самому.

Тамара остановилась, приложила палец к виску, медленно повернулась к нему и посмотрела на него внимательно, взыскательно, прямо как начальник отдела кадров на новичка.

– А у тебя опыт работы есть?

– Четыре года.

– Когда ты успел?

– Как это когда? Я в двадцати три года призвался.

– Значит, сейчас тебе двадцать пять, – сказала Тамара и кивнула самой себе.

– Да. И опыт большой. Руки откуда надо растут.

– Когда ты можешь начать работу? А то сперва домой, потом обратно. Так и лето закончится.

– Да хоть завтра.

– А как же родители?

– Они поймут.

– Ну, хорошо, я спрошу.

Тамара ушла, а Родион лег спать, сожалея о том, что подушка в чистой наволочке принадлежала не ей. Подушка эта хранила запах Вики, а он хотел дышать ароматом любимой

женщины.

Тамара могла позвонить своему дяде прямо сейчас. Родиону нужно было знать, уезжать ему утром или нет. Если его не возьмут на работу, то завтра он уже не будет путаться у нее под ногами. Она могла и не звонить, а просто сказать нет. И завтра утром он исчезнет из ее жизни.

Время шло, а Тамара не появлялась. Часы уже пробили полночь, когда дверь наконец-то открылась. Из коридора в спальню ввалилась Вика. Этого щуплого цыпленка с короткой стрижкой невозможно было перепутать с изящной полногрудой Тамарой.

Вика именно ввалилась в комнату. С закрытыми глазами, в режиме свободного падения она спланировала на кровать. Не сдвинься Родион в сторону, эта барышня легла бы прямо на него.

Укладываясь, она даже не прикоснулась к нему. Но когда легла, положила на него руку.

– Кто здесь? – не открывая глаз, спросила Вика.

– Я тебе не снюсь.

– Жаль. – Она убрала руку, повернулась к нему спиной.

Ночная рубашка на ней длинная, но, судя по всему, надетая на голое тело. Можно было провести рукой по ее спине, чтобы убедиться в этом, но Родиону вовсе не хотелось прикасаться к Вике. Он, конечно, чувствовал в ней женскую природу, которая должна была волновать мужское начало само

по себе, но влечения к этой девчонке не испытывал.

Однако и потребности бежать от нее как от огня у него не возникало. В конце концов, она уже совершеннолетняя. Он имел полное право лежать рядом с ней, тем более просто так, не давая воли рукам.

– А то ты меня напрягаешь, – пробормотала Вика.

– Я могу уйти.

– Хочешь поменяться со мной местами? – спросила она.

У Родиона захватило дыхание. А вдруг сестры все подстроили? Вика не перепутала комнаты спросонья, она ошиблась нарочно, чтобы поменяться с Родионом местами? Что, если Тамара ее об этом попросила, сама хотела, чтобы он отправился к ней в постель?

– Ты что, оглох?

– Я сплю, – буркнул Родион.

– Ну уж нет, это я сплю! – Вика резко поднялась, села и повернулась к нему лицом.

– Не со мной, – сказал он, закрыл глаза и повел плечами, устраиваясь поудобней.

– Еще чего! – Она тоже легла на спину, сложила руки на груди.

– Ты прикольная.

– Это комплимент?

– А тебе нужно признание в любви?

– И даром не нужно!

– Тогда чего пришла?

– Я могу уйти!

– А чего не уходишь?

– Я сейчас уйду! – Вика приподнялась на локте.

Родион закрыл глаза не плотно. Он мог наблюдать за ней сквозь щелочку между веками и видел, как она посмотрела на него.

– Я тебя не держу.

– И уйду! – заявила Вика, бухнулась на спину и затихла.

На ум Родиону почему-то пришел анекдот. «Мужчина, я вас боюсь, вы меня изнасилуете. Потому что я сама сейчас к вам спущусь».

Вика уже к нему спустилась, можно сказать, снизошла. Но бояться ей было совершенно нечего. Он точно это знал.

Какое-то время она лежала молча, потом сказала:

– Даже не знаю, зачем я тебе писала. Ты мне совсем не нравишься.

– Жаль.

– А ведь писала!

– Мне. С Ленькой заодно.

– Ревнуешь?

Не было никакого Леньки. Вика придумала его нарочно, из вредности. Но Родион не собирался делиться с ней этим своим соображением. Хотя бы потому, что ему было все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.